

На теле Сунь Иньчжу вскоре выступил слой тончайшего пота. Губы Фу Тиншэн прижались к его затылку, неторопливо покусывая кожу. Видя, что человек вот-вот совсем лишится сил и не сможет стоять на ногах, Фу Тиншэн обхватил Сунь Иньчжу за талию, развернул его и прямо так взял на руки. Сунь Иньчжу обвился руками вокруг его шеи, его тело невольно откинулось назад, а лицо — то ли от пота, то ли от слез — было влажным, словно его только что вытащили из воды. Он широко раскрывал глаза, но разглядеть лицо Фу Тиншэн было решительно невозможно.

Казалось, мужа окутывало плотное облако черного тумана. Сунь Иньчжу дрожал, рассудок его покинул; это была вовсе не обычная близость — скорее полное поглощение и вторжение. Инстинкты Фу Тиншэн без конца грабили его, и если бы не забота о теле супруга, он, пожалуй, и впрямь сожрал бы его до конца.

На полу отчетливо темнело влажное пятно. Фу Тиншэн опустил взгляд на Сунь Иньчжу и лишь сейчас заметил, что их одежда испачкана.

Если продолжать в том же духе, супруг наверняка сломается. Из-за волны наслаждения и галлюцинаций Сунь Иньчжу уже утратил контроль над собственным телом. Под конец он крепко прижался к груди Фу Тиншэн, и когда муж слегка склонил голову, он блаженно приоткрыл рот, позволяя себя целовать, но в ответ его ждали лишь дразнящие пальцы. Он невнятно чмокнул их пару раз, и его низ живота отчего-то внезапно свело судорогой; он замер, задержав дыхание, чувствуя себя так, словно умирает.

Как и прошлой ночью, он потерял сознание в объятиях Фу Тиншэн, и его мечущееся, хаотичное сознание наконец рухнуло на ровный пол. В погруженной во тьму комнате загорелся тусклый желтый свет свечи. В окне оставалась щель: ночной ветерок разогнал по всей комнате остатки плотской страсти и раскачал слабое пламя свечи.

Слуга уже набрался опыта, и вскоре после приказа Фу Тиншэн подряд принесли горячую воду. Мужчина накинул чистый верхний халат и принялся неторопливо обмывать Сунь Иньчжу.

Удерживая запястье супруга, он накрыл бьющийся пульс теплыми полотенцами. Движения Фу Тиншэн замерли, и он вдруг прижал чужую руку к собственной груди.

Он считал удары.

Постепенно сердце под этой грудной клеткой стало биться в том же ритме. Исполненный глубокого удовлетворения, он продолжил с предельной тщательностью доделывать то, что не завершил раньше.

Снова приближался рассвет. Принесенный Фу Хуайли ланчбокс так и остался лежать в одиночестве во дворе всю ночь — к нему никто не притронулся, к тому же Фу Тиншэн был уверен, что Сунь Иньчжу вряд ли захочет есть ту еду.

Он велел на кухне заново приготовить легкие, легкоусвояемые сладости и кашу, чтобы Сунь Иньчжу мог поесть сразу, как только проснется.

Сунь Иньчжу так устал, что спал без задних ног, и даже когда его подняли и прижали к груди, никак не отреагировал. Руки Фу Тиншэн обхватили его за талию, притягивая еще ближе, так что их тела слились воедино, не оставляя между ними ни единого зазора, и тогда он снова принялся разглядывать его глаза и губы.

Когда завтра супруг проснется, он, должно быть, сочтет все случившееся сегодня ночью странным. В прошлый раз прикрытием служило вино, а в этот... Фу Тиншэн усмехнулся: возможно, его глупый супруг вообще ничего не заметит.

Впрочем, ему не обязательно было так спешить.

Он мог бы даже перенять чьи-нибудь привычки, притвориться мягким, заботливым и нормальным мужем, чтобы Сунь Иньчжу сам потянулся к нему, полюбил его, и они жили бы в взаимном уважении, как подобает обычным супругам.

Но он не хотел.

Сунь Иньчжу должен увидеть его истинное лицо, должен принять его и привыкнуть. Он скитался по этому миру столько лет и наконец дождался идеально подходящей души — и Сунь Иньчжу обязан стать таким же, как он.

Во сне Сунь Иньчжу вдруг беспокойно заворочался. Рука Фу Тиншэн напряженно приподнялась и легко похлопала его по плечу, и вскоре в комнате вновь воцарился лишь тихий, мерный звук дыхания.

Солнце поднялось высоко.

Сунь Иньчжу проснулся от жуткого голода.

Последние дни он толком не ел нормальной еды: стоило Фу Тиншэн бодрствовать, как они только и делали, что безобразничали в постели. Стоило ему открыть глаза, как перед ним тут же предстало лицо Фу Тиншэн, а его собственная рука все еще покоилась у того на груди. Хотя под ладонью сердце билось медленно, оно всё же существовало. Он тихонько выдохнул, украдкой перевел взгляд обратно на лицо Фу Тиншэн — и оказалось, что Фу Тиншэн тоже смотрит на него. Их взгляды случайно встретились, лишённые всяких эмоций. Сунь Иньчжу испугался, остатки сна вмиг испарились, он резко подскочил на кровати, словно пружина, и ошеломленно уставился на снова уснувшего мужа.

Он что, бодрствовал всего лишь крошечную мгновение?

Словно говоря этим: я все еще жив.

Руки и ноги Сунь Иньчжу ослабли — то ли от голода, то ли от усталости. Какое-то время он молча опускал голову, пытаясь нащупать собственный живот, и запоздало думал: что вообще вчера произошло?

Воспоминания в его голове превратились в разрозненные кусочки, которые никак не удавалось сложить воедино. К тому же Фу Тиншэн так долго болел, и по идее у него просто не должно было оставаться на подобное ни сил, ни возможностей. Почему же вышло с точностью до наоборот? К тому же днем муж вечно спал и продолжал принимать лекарства — один его вид говорил о том, что тяжелая болезнь еще не отступила. Если так пойдет и дальше, разве его состояние не ухудшится?

Чем больше Сунь Иньчжу думал об этом, тем сильнее возрастала его тревога. Не зная, как поступить, он заполнил голову исключительно мыслями о здоровье мужа, совершенно забыв обо всем остальном.

Он решил, что вчера у него просто разболелся живот: в конце концов, раньше ему почти не приходилось есть ничего хорошего, а утром он за один присест умял с десятков разных блюд — ему еще повезло, что не начался понос.

При этой мысли голод вновь накатил с новой силой. Сунь Иньчжу поднялся, чтобы переодеться. На низком столике лежал еще один комплект новой одежды — ткань была мягкой и сидела идеально, а на туалетном столике красовалось несколько новых шпилек для волос.

Гортензии, сорванные в маленьком садике, стояли в пузатой вазе.

Все, о чем он мог подумать, кто-то тщательно и заблаговременно подготовил. Сунь Иньчжу ошеломленно замер на месте, опушив голову и изо всех сил моргая, чтобы разогнать выступившую влагу.

Оказывается, от счастья тоже порой хочется плакать.

Он бормонул себе под нос что-то невнятное, а затем привычным движением собрал волосы в пучок. Когда рука скользнула за ухо, кожа вдруг отозвалась резкой болью. Подойдя ближе к зеркалу, он ахнул: его шея выглядела просто ужасно — двусмысленные следы после целой ночи напоминали следы жестоких истязаний, и скрыть их было абсолютно нечем.

Сунь Иньчжу раздумывал, не прикрыть ли чем-нибудь эту срамную печать, как вдруг в дверь спальни осторожно постучали. Словно боясь потревожить того, кто находится внутри, раздался нерешительный голос Цинь Хэн: — Иньчжу, ты проснулся?

— Пойдешь со мной позавтракать, хорошо?

Сунь Иньчжу потрогал свои длинные волосы, беспорядочно распустил их по плечам, чтобы прикрыть эти безобразные метки, и в спешке побежал открывать дверь.

Глава 9

Фу Тиншэн следил за Сунь Иньчжу слишком пристально — не позволял ему даже пойти поприветствовать мать. Цинь Хэн приходилось самой навещать невестку, опасаясь, что сын в любой момент сорвется с места и заявится забрать своего человека, так что ей оставалось лишь являться без приглашения, трясаясь от страха, что Фу Тиншэн вновь окажется недоволен.

Впрочем, надежд она особых не питала: если бы Фу Тиншэн и впрямь запретил мужу выходить, поделаться она ничего бы не смогла.

Дверь отворилась. Перед ней предстал Сунь Иньчжу с перепуганным, растерянным выражением лица и послушно позвал ее матушкой. Цинь Хэн отозвалась, и сердце ее преисполнилось еще большей радостью.

Когда они только присматривались друг к другу, ей казалось, что Сунь Иньчжу обладает чертами лица, в которых женское переплетается с мужским, и до неприличия красив. Но после того, как его привели в дом и он спас Фу Тиншэню жизнь, она решила, что эта внешность — сущий лик бодхисаттвы, и ему на роду было написано переступить порог клана Фу. А сейчас, с распущенными по плечам волосами и совершенно не накрашенным лицом, он походил на кроткую юную барышню. Цинь Хэн даже сама на мгновение замерла, подумав: как было бы прекрасно, если бы этот младший невестка смог оставить потомство для клана Фу!

От ее взгляда Сунь Иньчжу смутился еще сильнее и тихо пролепетал: — Матушка?

Мужской голос.

Цинь Хэн неловко улыбнулась, потерла кончик носа платком и бросила невзначай: — Тиншэн еще не проснулся?

Сунь Иньчжу кивнул.

Цинь Хэн поманила рукой стоявшего неподалеку Фу Мин, жестом приказывая тому накрыть на стол. Погода стояла жаркая, еда не остыла бы слишком быстро, да и поесть за каменным столом в маленьком дворике было весьма удобно. Заметив, что Сунь Иньчжу то и дело оглядывается на дом, она успокоила его: — Ничего, мы недалеко. Если Тиншэн проснется и захочет тебя увидеть, стоит только открыть дверь — и он сразу тебя заметит.

Сунь Иньчжу волновался вовсе не об этом. Он боялся, что Цинь Хэн заметит на нем следы вчерашнего безумия. Но как мать могла ничего не увидеть? Еще вчера она собиралась сделать пару замечаний, да только стоило ей заговорить, как ее сын примчался следом, словно

безумный пес, так что ей пришлось прийти во второй раз сегодняшним утром.

— Иньчжу, ты еще мал, но знаешь меру в делах, — Цинь Хэн помешивала ложечкой пиалу с молочным супом из белых грибов и задумчиво произнесла: — В некоторых вещах все же стоит проявлять сдержанность, нельзя позволять Тиншэню буяннить почем зря.

— В вашем возрасте, да к тому же после недавней свадьбы, немудрено потерять голову, но Тиншэн ведь все-таки больной человек, и прошлый лекарь говорил...

— Кхе-кхе, кхе-кхе! — услышав вторую фразу Цинь Хэн, Сунь Иньчжу так засуетился, что потерял дар речи, и от отчаяния принялся лишь безостановочно хлебать кашу, в итоге подавившись так, что его лицо покраснело, а кашель никак не удавалось унять.

Когда подобные вещи обсуждали с ним в открытую, Сунь Иньчжу не находил слов для оправдания, к тому же ему казалось, что Цинь Хэн обвиняет его в незрелости и назойливой привязанности к Фу Тиншэню. Только богам было известно, через что ему пришлось пройти за эти два дня!

Цинь Хэн испуганно ахнула, видя, что тот едва не задыхается от кашля, и поспешно сменила тему: — Сегодня третий день после свадьбы, тебе ведь положено навестить родительский дом?

По обычаям полагалось возвращаться на второй день, но то касалось семей, где оставались живые родственники; у Сунь Иньчжу же за спиной на задней горе стояли лишь два могильных холма, да и правила поминовения усопших и встречи с живыми все-таки различались.

Сунь Иньчжу наконец справился с приступом неловкости. Он не собирался ничего объяснять — да Цинь Хэн вряд ли бы и поверила, что больной до полусмерти Фу Тиншэн способен глубокой ночью излучать столько энергии.

Видя, что он упорно молчит, Цинь Хэн приняла это за болезненную тему и с сомнением проговорила: — Иньчжу, по правилам муж должен сопровождать тебя в родительский дом. Если Тиншэн проснется поздно, вы вряд ли успеете обернуться туда и обратно. Может, попросить Фу Хуайли составить тебе компанию?

Сунь Иньчжу вовсе не испытывал сильной грусти. Его родители ушли из жизни слишком рано, и воспоминаний о них осталось совсем мало. Он потрепал маленький серебряный браслет на запястье — одну из немногих вещей, оставшихся от матери.

Он покачал головой, слегка нахмутив брови, и подумал: почему снова предлагают Фу Хуайли?

Что это вообще такое? С одной стороны, они рассуждают о нарушении табу, а с другой — так легко заменяют одного человека другим.

Разве Цинь Хэн сама не находила это странным?

И Фу Хуайли вел себя странно: велели встречать невесту — он ехал, велели помогать старшему брату с торговыми делами — он шел, а теперь, судя по всему, без возражений согласится сопровождать невестку. Казалось, он и впрямь добровольно готов играть роль замены Фу Тиншэн.

Пока Сунь Иньчжу думал об этом, он продолжал есть и незаметно для себя умял целую гору угощений. Лишь когда он почти насытился, до него дошло, что он уже давненько ничего не ответил Цинь Хэн. Его лицо вновь вспыхнуло, залившись краской до самых ушей, и он, опустив голову, пробормотал: — Матушка, я бы хотел еще немного подождать. Вдруг он все-таки проснется... я бы предпочел поехать вместе с ним...

<http://bllate.org/book/25458/3035331>